

ЗАМЕТКИ О ПРЕМЬЕРЕ

ОБРАЗ СПЕКТАКЛЯ

Самый высокий класс театрального художника определяется его умением раскрыть своими выразительными средствами философские глубины того пласта жизни, о котором рассказывает спектакль.

В Киргизском театре оперы и балета есть такой художник — А. Арефьев. Он создает декорации, которые являются органичной частью всего спектакля, хорошо взаимодействуют с актерами и которые в то же время несут образ, по своей глубине и емкости выходящий порой очень далеко за границы того, что непосредственно разыгрывается на подмостках. Арефьев в лучших своих произведениях, естественно, раздвигает пределы спектакля и как бы приглашает зрителя выйти за черту ближайшего и первичного круга его проблем.

Так было и в последней работе художника — в спектакле «Тихий Дон». Если считать главным героем оперы Григория Мелехова, то вторым героем спектакля является, безусловно, тихий Дон, раскинувший свои широкие воды высоко, до самого горизонта. Тихий Дон присутствует во всех эпизодах. Это не только река, на крутых берегах которой разворачивается действие оперы. Главное — это образ природы, которая соперничает героям и в конечном счете дает последнюю и решающую оценку

жизни человека, отпускает или не отпускает его грехи, подводит черту под его судьбой.

А судьба Григория Мелехова истинно трагична. Трагедийная тема возникает с первых же секунд спектакля, как только раскрывается занавес. Задаёт ее художник. Казалось бы, на сцене радость и веселье — нарядившиеся во все лучшее казачки встречают возвращающихся с войны мужчин. Но холоден, неприветлив тихий Дон, черны и тревожны его берега, свинцово небо.

Люди пытаются в жестоком, окружившем хутор со всех сторон мире сохранить тепло своих жилищ. Мягким светом освещено крыльцо дома Мелеховых. Но не смогут мелеховские женщины сберечь это тепло домашнего очага, все будет разрушено, почти все домочадцы, кроме Дуняши, погибнут, и в конце концов вышвырнет жизнь запутавшегося Григория вместе с Аксиньей на холодный берег Дона. Все это произойдет в последнем акте спектакля, но уже в самой первой, радостной сцене художник, как бы образно предвзяря события, показывает два растущих рядом дерева, склонившихся над обрывом и словно пытающихся в волнах Дона прочесть свою судьбу...

На берегу темного ночного Дона происходит решающий бой белоказанов Григория Мелехова с отрядом Красной Армии. Бегут разбитые казаки, прячутся в разрушенной мельнице. Проклинают войну, оплакивают бессмысленно погибших товарищей. А

за проемом стены, за силуэтом крыши — Дон, багрово-красный от пролитой казачьей крови. Это образ трагедии народа, втянутого в братоубийственную бойню.

Еще раз пришел Григорий домой — пришел с мечтой, наконец, заняться исконным трудом отцов и дедов: пахать землю, растить хлеб, воспитывать сына. Одна сестра Дуняша встречает его. Хозяйство в упадке, потрескались стены, прохудилась крыша хлева, где накрыла брату стол Дуняша. Художник сознательно пошел на обострение ситуации и не пустил Григория в дом, решив, что такова воля Михаила Кошевого. Но и здесь, в голом хлеву, оказывается, нет места Григорию — жестокая судьба гонит его вместе с преданной Аксиньей в ночь, туда, где чернеет осенний Дон.

Арефьев продолжает неизменно наращивать трагедийную тему. Григорий и Аксинья оказываются в черном, страшном лесу. Сквозь строй голых, покосившихся стволов светится стальной, замерзший Дон. Здесь раздаётся роковой выстрел, лишающий Григория последнего друга. Дождь, буря, тучи завлакивают сцену, скрывают от зрителей мучающегося в отчаянии героя, чтобы затем открыть его уже стоящим над могилой Аксиньи. А на холме уже вместо двух деревьев одно, мощное, но тем не менее согнутое стихией и склонившее свои голые безлистные ветки над могильным крестом. У дерева бурей отломана верхушка,

вырваны корни. Кажется, еще немного — и оно рухнет. Но оно стоит...

Григорий, потерявший в жизни все, опустошенный и душевно истерзанный, идет домой. Дом заколочен. У избитого жизнью Григория остается последняя возможность искупления — бросить враждебные человеческому естеству винтовку и пашку и вернуться к простым, как сама природа, истокам бытия. Именно природа своим вечным обновлением дает человеку надежду в тот момент, когда достигнута последняя ступень трагедии.

И Арефьев заканчивает спектакль вдохновенным образом большой эмоциональной силы и философской глубины. Григорий стоит на берегу белого, замерзшего Дона. Начинается ледоход. Река раскалывается на большие льдины, затем на все более и более мелкие. С каждой секундой льда все меньше и, наконец, перед зрителем очищенный, обновленный, как сознание героя, тихий Дон.

Весна! Начало новой жизни!.. Но Арефьев как художник, мыслящий трезво и глубоко реалистично, не обещает Григорию жизни простой и легкой. Прояснившееся, посветлевшее небо осветило заброшенные, черно-серые, холодные донские поля. Те самые, целину которых будут трудно и героически поднимать люди другого знаменитого романа М. Шолохова.

В. БЕРЕЗКИН,

кандидат искусствоведения.

Москва — Фрунзе.